

В. В. Цоффка

А. С. ПУШКИН И ФИНЛЯНДИЯ

В связи с двухсотлетним юбилеем поэта и трехсотлетием со дня основания Санкт-Петербурга актуальной стала тема «Пушкин и финны». К ней обратились в самом конце XX в. как финские ученые-русисты, так и российские литературоведы¹.

Значительную часть своей 37-летней жизни — около двадцати лет! — А. С. Пушкин прожил в Петербурге. Когда будущему поэту было 10 лет, русскими войсками была завоевана Финляндия и указом Александра I от 11(23) декабря 1811 г. присоединена к России в статусе Великого княжества Финляндского. Присоединение целой страны к Российской империи явилось фактом большой политической важности. С тех пор влияние Финляндии на жизнь северной столицы будет ощущаться вплоть до 1917 г. Петербург получит от финнов самобытное название — *Pietari*, в некоторых своих районах приобретет финские черты, его дома и набережные украсятся финским гранитом. Пушкин в шутку называл Петербург «Чухляндией»².

Само название города — Санкт-Петербург, — данное Петром I, звучало для Пушкина по-европейски и свидетельствовало о его космополитической природе. Городу, основанному на берегу моря, в устье реки, по мысли Пушкина, суждено было иметь великое будущее. Поэту хотелось верить, что со

временем «моря будут соединять земли, которые они разделяют». Эту мысль английского поэта А. Поупа русский поэт передал по-своему: «Все флаги в гости будут к нам, и запируем на просторе»³. В черновиках та же мысль выражена более прозаично: «И заторгуем на просторе».

Петр I основал столицу в необычном месте:

Он (Евгений. — В. Ц.) узнал того,
Кто неподвижно возвышался
Во мраке медной головой,
Того, чьей волей роковой
Под морем город основался.

Пушкин. Медный всадник

Поэт долго искал слово, чтобы обозначить это место: «у моря», «при море», даже «над морем» и наконец остановился на предлоге «под». «Словарь языка Пушкина» передает одно из значений предлога «под» так: «внизу, у подножья около чего-нибудь возвышающегося непосредственно у края, границы чего-нибудь, в непосредственной близости к чему-нибудь»⁴. Этим предлогом поэт хотел подчеркнуть, что город основан на воде, вблизи моря, даже ниже уровня моря.

Водобоязнь Петра в детстве и отрочестве переросла в свою противоположность — в страстную любовь к морю, широкому водному пространству, безмерному разнообразию жизни на воде и на берегу, к стройным кораблям, украшенным парусами, овеваемым воздухом морских сражений и бурь.

Акт основания Петербурга породил миф, что новая столица создавалась на пустом, заброшенном месте, не соответствующий исторической действительности. Немалую роль в мифологизации и поэтизации сыграла поэма Пушкина «Медный всадник». Такой взгляд на предысторию Петербурга весьма характерен для поэтического, романтического восприятия города поэтами, писателями и художниками. Ученые отмечали, что таково было и официальное понимание истории Петербурга. Только с течением времени постепенно возникало подлинное, научное понимание истории Петербурга, появившегося на древней Ижорской земле, которая играла значительную роль в жизни Древней Руси: Петербург был построен в местах, которые были основательно обжиты.

По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес <...>

 кругом шумел.

Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод...

Пушкин. Медный всадник

Петр I стремился положить в основу своей новой столицы природную основу другой страны, без покорения которой Петербург не мог бы состояться. Граф П. А. Шувалов (1777—1823), генерал-адъютант Александра I (с 7 мая 1802 г.), на вопрос Наполеона, зачем России Финляндия, отвечал: «Финляндия была необходима России. Это была идея Петра I, который без этого не мог бы установить столицу там, где она стоит»^{5–7}. Как известно, природную основу Финляндии составляют камень (kivi) — гранит (graniitti) и вода (vesi). Именно твердость гранита, по мнению некоторых авторов, повлияла на финский язык, ибо основа речи финнов — каменистая, состоящая из согласных звуков, гранитная почва⁸. В русских же словах иностранцам слышался звон меди.

С древнейших времен финны поклонялись камням. Им казалось, что эти огромные замшелые камни, которыми усеяна их страна, упали с неба. Они считали их священными, более того — называли их «вещими».

В черновиках Пушкина к поэмам «Езерский» и «Медный всадник» слово «гранит» — одно из наиболее часто употребляемых: гранит — и украшение города, его цивилизованная оправа, он — и защита города от опасностей, от наводнений.

Петр I как «культурный герой» — демиург, творец, «строитель чудотворный» — основал новую столицу, отвечающую идеалам европейского Просвещения, эгоцентрический город, стоящий на краю культурного пространства, на экзистенциальной границе, вопреки всему и всем — стихиям, соседям, неприятелям, традициям собственного народа. Это был вызов

всему миру, жест демиурга, стремящегося переделать свой народ, и это был жест исключительной силы воли.

Однако город, созданный вопреки Природе и находящийся в борьбе с нею, по мнению Ю. М. Лотмана, дает двойную возможность своей интерпретации: как победы разума над стихиями и как извращенности естественного порядка, обреченности, гибели⁹.

Ижорская земля (или Ингерманландия, как называли ее шведы), на которой был основан Санкт-Петербург, — это и земля предков Пушкина сразу по двум линиям — отцовской и материнской¹⁰. В этих же местах родилась и няня поэта, знаменитая Арина Родионовна.

Некоторые авторы высказывают предположение, что Арина Родионовна была ижоркой или, по крайней мере, чухонкой¹¹. Ижорская земля — это территория, расположенная по берегам Невы и по побережью Финского залива, некогда сплошь заселенная финскими народностями и входившая в состав Вотской или Водской пятины Великого Новгорода. Из четырех ингерманландских племен, а именно: савакотов (Sawakot), эйремейзетов (Auramoiset или Aaramoiset), ингрикотов (Ingrikot), ватьялайзетов (Watialaiset — Водь) — последнее, по-видимому, были первоначальным населением страны, а карельские ингрикоты, которых просто называли карелами, были первыми из переселившихся сюда народностей.

Слово «Ижера» (Ижора) встречается в летописи в 1240—1241 гг. Этим словом русские обозначали как народность, так и протекающую здесь реку (по-фински Ingerinjoki). Ижорская земля рано вошла в состав Великого Новгорода и быстро заселилась выходцами из русских областей. Здесь находились Ижорский и Спасский погосты Водской пятины.

В Новгородских писцовых книгах встречается погост Никольской Суйдовской, село и деревня Суйда (Суйда), к югу от Гатчины, на левом берегу реки Суйды, впадающей в Оредеж. Название Суйда (Суйда) носили река, деревня, село, мыза. Оно старинного вотского происхождения и означает «уздечка». Оредеж — тоже старинное вотское слово, означающее «голова коня». Весьма возможно, что название Суйда было перенесено на эту местность выходцами из другой, давно не существующей Суйды, находившейся на берегу Финского за-

лива (недалеко от Соснового Бора)¹². В книге А. И. Ульяновского «Няня Пушкина» упоминаются село Суйда Никольское Перевского конца и сельцо Коприно¹³. Автор книги отмечает, что население Ингерманландии было смешанное: и русское, и финское. Арина (Ирина) родилась 10 апреля 1758 г. в селе Суйде Воскресенское тож, тогда Копорского уезда Петербургской губернии, в вотчине подпоручика лейб-гвардии Семёновского полка Фёдора Алексеевича графа Апраксина, внучатого племянника знаменитого петровского адмирала Фёдора Матвеевича Апраксина.

На сайте «Информационного центра финно-угорских народов» при поддержке Информационного агентства «Коминформ» (Россия, Республика Коми) нами была обнаружена рубрика «А. С. Пушкин и финны». Ниже следовал текст под заглавием «А. С. Пушкин и финны, или Сказки какого народа слушал юный поэт?», автор которого Эрюш Вежай¹⁴. Ссылаясь на книгу Ю. Дружникова «Русские мифы», изданную «Пушкинским фондом», автор находит для себя разгадку финского следа в сказках Пушкина; по мысли Дружникова, няня поэта, Арина Родионовна, по своему происхождению является ижоркой. Дружников уточняет место рождения няни, а именно: деревня Лампово («lampi» по-фински — пруд, лесное озеро), которая находится в полуверсте от Суйды. Ссылаясь он при этом на метрическую книгу Воскресенской Суйдинской церкви. До своего замужества Арина Родионовна жила в деревне Лампово, а замуж вышла 23 лет от роду, в 1781 г., и переехала к мужу в село Кобрино. Однако насколько этот факт достоверен — неизвестно.

По свидетельству Н. И. Грановской¹⁵, отец Арины Родионовны, Родион Яковлев, мог быть потомком коренных карелов (чуди). Он являлся «приемышем» в семье Петра Полуектова, куда был взят в возрасте девяти лет, мать Арины Родионовны, Лукерья Кирилловна, коренная жительница села Суйда, жила, как отмечает Б. В. Томашевский¹⁶, среди финнов. По всей видимости, Арина Родионовна имела финское происхождение.

Если предположить, что в те далекие времена деревни состояли из двух концов — русского и карельского (финского) и между взрослым населением не было никаких контактов, то дети этих народов играли вместе. Поэтому Арину Родионовну

можно рассматривать как носительницу двух культур — русской и угро-финской в широком смысле слова¹⁷. В этом смысле можно считать ее «чухонкой», ижоркой.

Примечателен тот факт, что Пушкин, а вслед за ним и художники изображают Арину Родионовну курносой, а курносость возможно, является генетической особенностью некоторых финно-угорских народностей. Вспомним портреты «финского царя» Павла I¹⁸.

Но вернемся к статье Эрюша Вежая. Развивая мысль Дружникова, Эрюш Вежай делает предположение о том, что сюжеты некоторых сказок заимствованы поэтом у Арины Родионовны, которая сообщила им неповторимое своеобразие.

Действительно, сказки Пушкина совсем не похожи на русские народные сказки — это сказки новейшего времени, их можно соотнести с безымянными повестями Петровского времени, например, с «Повестью о Василии Кариотском...»: место, на котором развивается действие сказок — море, что не характерно для русских сказок, в которых подробного описания моря нет. Герои же пушкинских сказок хорошо знают море, морские берега, его обитателей, знают морское дело; для них море — живое существо, наделенное сильными чувствами, воздействующее на развитие событий.

Так, за основу «Сказки о царе Салтане» Пушкиным была взята волшебная сказка из народной вепсской традиции «Чудесные дети»^{19–20}.

Уже в первом большом произведении Пушкина — в поэме «Руслан и Людмила» (1817–1820) — самый романтический герой — чародей Финн. Рассказ о Финне и Наине (имя, возможно, производное от финского «*nainen*» — женщина) проходит через все повествование и выполняет важную функцию романтической антитезы в произведении.

По мысли Т. С. Тихменевой, связь финнов с искусством ясновидения и колдовства признавалась всеми народами. Более того, в романтический период истории колдовство приравнивалось к мудрости, знанию тайн жизни²¹. Финны вообще считали мудрость высшим нравственным качеством человека и ставили его гораздо выше мужества и храбрости. Недаром главный герой «Калевалы» Вяйнемейнен не воин, а пророк и поэт.

Русский поэт наделяет Финна такими устойчивыми определениями, как «вещий» — tiettaja, «природный» — umpisuomalainen, «добродетельный» — hyveellinen. Финна можно назвать человеком с финским характером, особым финским нравом (sisu), проявляющимся в достижении поставленной цели — во что бы то ни стало добиться любви Наины.

Известно, что древнейший город Финляндии Або (Турку, по-русски до эпохи Петра I Кабы) до 1819 г. сохранял значение столицы. Славился город и Абоским университетом (с 1640 г.). Примечательно то обстоятельство, что во время войны с Наполеоном в 1812 г. Царскосельский Лицей, в котором учился Пушкин, должен был быть переведен именно в этот город.

Только в 1994 г. стало известно, что поэт плыл с семьей генерала Н. Н. Раевского из Феодосии в Гурзуф не на военном бриге «Мингрелия», а на военном корвете «Або»²². Корветы имели фрегатную оснастку — три мачты и прямые паруса. Это были быстроходные судна с одной открытой батареей, имевшие до 20—30 орудий. Капитаном корвета «Або» был тогда капитан-лейтенант И. П. Дмитриев. Именно на палубе корвета «Або» в ночь с 18 на 19 августа 1820 г. Пушкин начнет писать свое первое «крымское» стихотворение «Погасло дневное светило», в котором сквозным станет мотив обращения к морю и кораблю как символам надежды и душевного обновления.

Об Абоском университете идет речь у Пушкина в статье «О г-же де Сталь и о А. М-ве», опубликованной в журнале «Московский телеграф» в 1825 г. за подписью «Ст. А.» (Старый Арзамасец)²³. Причиной появления полемической статьи Пушкина была публикация в журнале «Сын отечества» отрывков из книги г-жи де Сталь «Десять лет в изгнании»²⁴ с замечаниями А. А. Муханова (1800—1834), адъютанта Финляндского генерал-губернатора графа А. А. Закревского. Фрагменты, извлеченные из ее книги, были переведены на русский язык «довольно тяжелою прозою» (Пушкин) и были посвящены описанию Финляндии.

Русский поэт отзываясь о французской писательнице тепло, сочувственно и берет ее под защиту от нападков со стороны Муханова. Пушкину больше всего импонирует то обстоятельство, что по сравнению с другими иностранными писателями

г-жа де Сталь говорит о русских с уважением и скромностью, порицает национальные пороки и болезни осторожно, не выносит сора из избы, не клеветает на русский народ.

В тревожном душевном состоянии переезжала г-жа де Сталь из Петербурга в Швецию через Финляндию осенью 1812 г. И естественно, не могла ни любоваться, ни наслаждаться красотами северной природы и «картинными» видами Финляндии, которая являла собою для нее лишь «почернелые скалы, дремучие леса и озера», наводившие на иностранную путешественницу уныние, тоску и скуку. Пушкин уведомляет читателя, что «недоконченные ее записки останавливаются на мрачном описании Финляндии...»

Г-н Муханов, с которым полемизирует поэт, противопоставляет свои впечатления и чувства при изображении Финляндии и красот северной природы и говорит, что так писать о Финляндии, как г-жа де Сталь, не должно и не стоит. Особенно не понравилась Муханову шутка г-жи де Сталь о близости волков и медведей к Абовскому университету. На эту шутку он отвечает шуткой же: «Ужели, — говорит он, — 400 студентов, там воспитывающихся, готовят себя в звероловы. В этом случае академию сию могла бы она точнее назвать псарным двором. Ужели г-жа де Сталь не нашла другого способа отыскивать причин, замедляющих ход просвещения, как перерядившись Дианой, заставить писателя рыскать вместе с собою в лесах финляндских по порошам за медведями и волками, и зачем их искать в берлогах?..» Муханов нарушал тем самым литературный этикет, принятый в Европе.

Пушкин одергивает Муханова, внушая ему, что перед ним не просто «барыня», а женщина, известная и уважаемая почти всей Европой, и с ней должно говорить и писать языком образованного человека; тон, в котором писал Муханов о г-же де Сталь, казался Пушкину неприличным.

В первой главе «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года» Пушкин описал свою поездку с графом Пушкиным и бароном Шернвалем по Военно-грузинской дороге из Владикавказа в Тифлис в мае 1829 г.: «Я шел пешком и поминутно останавливался, пораженный мрачною прелестью природы... Граф Пушкин и Шернваль²⁵, смотря на Терек, вспоминали Иматру и отдавали преимущество реке на Севере гремящей».

В черновиках «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года» именно о графине Эмилии Карловне Мусиной-Пушкиной²⁶ идет речь, когда в Старой Кабарде, на лестнице полуразрушенного минарета, спутники воспроизводят любезные им имена. Имя финской красавицы Эмилии стоит в одном ряду с пушкинским именем: «Там нашел я несколько неизвестных имен, нацарапанных на кирпичах славлюбивыми путешественниками. Суета сует. Граф Пушкин последовал за мною. Он начертал на кирпиче имя, ему любезное, имя своей жены — счастливец, — а я свое.

Любите самого себя,
Любезный, милый мой читатель».

(Ср. со стихом из XXII строфы главы четвертой «Евгения Онегина»:

Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель!
Предмет достойный: ничего,
Любезней, верно, нет его.)

Что касается Александрины Карловны, то она заключила брак с португальским послом графом де Сейсалом, аккредитованным сначала в Петербурге, потом в Париже. И, наконец, самая известная из трех красавиц, Аврора Карловна, была обручена с полковником А. А. Мухановым в 1834 г. Но жених ее внезапно скончался в этом же году. Она вышла замуж за егермейстера двора д. т. советника Павла Демидова, родила сына Павла, будущего князя Сан Донато в Италии. После смерти Демидова в 1846 г. заключила брак с полковником А. Н. Карамзиным, который погибает во время Крымской войны 1854 г. Поистине Аврора Карловна была «роковой женщиной».

Полковник А. Н. Карамзин принадлежал к тем литературно-салонным кругам, которые были близки ко двору и проявляли живой интерес к Финляндии. В это общество входили и А. С. Пушкин, и В. А. Жуковский, и профессор российской словесности (с 1832 г.) П. А. Плетнев, впоследствии ректор Петербургского университета. Уже после смерти Пушкина, в 1840 г., в связи с торжествами по случаю 200-летия универси-

тета эта группа установила тесные связи с университетскими и литературными деятелями Княжества Финляндского. Жуковский в то время стал почетным финским доктором философии. Именно эта группа послала многообещающего филолога и литератора Я. К. Грота (1812—1893) в Финляндию, где для него была открыта профессура.

Как пишет Матти Клинге в своей книге «На чужбине и дома»²⁷ в 1830—1840 гг. литературная, административно-бюрократическая, военная и придворная жизнь составляла в Петербурге некую цельность, в которой, в общем, просматривалось благожелательное отношение к Финляндии. Надо подчеркнуть, что ранний период правления Николая I был для Финляндии тем временем, когда она нашла свое место в системе Российской империи.

Пушкин никогда не был в Финляндии, не видел водопад Иматру, но его спутники видели его, любовались его видами. «Реке на Севере гремящей...» — цитата из оды Г. Р. Державина «Водопад», изображающей, однако, водопад Кивач на реке Суне. Первоначально в черновиках Пушкина значилось три варианта: «Гр. Пуш<кин> и Ш<ернваль>, смотря на Терек, вспоминали Иматру и отдавали преимущество: 1) “финской” реке; 2) “финдлянке”; 3) “финской наяде над кавказской”», т. е. Терек сравнивался с водоскатом Иматрой на реке Вуокса, но Пушкин решил заменить это уподобление абстрактным образом, взятым из оды Державина, в которой речь идет совсем о другой реке и другом водопаде, что было, на его взгляд, более приемлемым.

Ошибку усугубили составители «Новых материалов к Словарю языка А. С. Пушкина»²⁸: «Финляндка (I) (в Сл. I) Перен. о реке...». Но Иматра — это не река, а водопад на реке Вуокса, а сейчас и название города вблизи этого водопада.

Составители не отметили и орфографическую ошибку во втором варианте — «финдлянка» вместо «финляндка», что, «видимо», было опiskой со стороны Пушкина.

Заметим, что в первой половине XIX и в начале XX века посещение Финляндии и знаменитого водопада Иматра было чрезвычайно модным явлением. Традицию посещения Иматры заложила в 1772 г. императрица Екатерина II. Кстати, по воспоминаниям ротного командира Баратынского, Н. М. Кон-

шина, в элегии «Водопад» отразились впечатления именно от посещения этого водопада в июле 1820 г. Раньше считалось, что Баратынский описал водопад Хэгфорс, который находился в двух километрах от крепости Кюмень, где пришлось слушать Баратынскому, этому «певцу Финляндии» (Пушкин). Элегия Баратынского «Водопад» об Иматре, как указывает Э. Г. Карху, надолго стала объектом восхищения и одним из символов Финляндии в русской поэзии XIX — начала XX в.

Итак, Иматра — это знаменитый водопад на реке Вуокса в юго-восточной части Финляндии. Вуокса вытекает из озера Сайма. Название водопада — «Imatra», «Imatran koski» — восходит к лапландскому названию «Imandra», к саамскому названию воды, реки, озера²⁹.

Водопад — явление звуковое, «шумовое». В XVIII веке появилось представление, что речь первых людей имитировала звуки природы. Поэты-романтики пытались, подражая природе, обрести первоязык, и водопад был главным учителем поэзии. Он как бы воплощал в себе новую романтическую теорию речи как места постоянных изменений и трансформации значений. С тех пор поэты стали посещать водопады и говорить: «Я буду учиться поэзии здесь»³⁰.

Сам Пушкин завещал своим поклонникам прислушиваться к голосу падающих вод: ему казалось, что почитатели его гения могут услышать его живой голос, «шуму вод подобный»:

...Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный.

Пушкин. Цыганы

Финские мотивы проходят через такие произведения Пушкина, как роман «Евгений Онегин»³¹, поэмы «Медный всадник» и «Езерский», повесть «Гробовщик», стихотворение «Клеветникам России», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» В незавершенном труде «История Петра I» финская тема станет стержневой, поскольку в ней речь идет о Северной войне России со Швецией (1700—1721), для которой Финляндия была житницей и сырьевой базой. Целью Петра I было не присоединение Финляндии как таковой к России: он считал тогда, что ее можно вернуть Швеции, а присоединение

Выборгской губернии и Ингерманландии к России, что укрепило бы позицию России на Балтике и обеспечило бы ей выход к морю.

Итак, несмотря на то, что сам Пушкин никогда не был в Финляндии, она явно и незримо присутствует в его значительных произведениях, в поэзии, в его переписке с друзьями, в творческом сознании и осознается в одно и то же время и как экзотическая часть России, и как «заграница» со своеобразной природой, нравами и обычаями ее жителей, с самобытной культурой и языком.

¹ *Peuranen E.* Puskin ja suomalaiset // Nuori voima. 1999. N 4. S. 7–9; *Pe-sonen P.* Alussa oli Puskin // Yliopisto. 1999. N 3. S. 24–27; *Карху Э. Г.* Пушкин о финнах и финны о Пушкине // Север. 1999. № 6. С. 99–114.

² А Болдино напоминало ему остров, окруженный скалами, т. е. в миниатюре опять-таки Финляндию, в которой он никогда не был (письмо к невесте, Н. Н. Гончаровой, от 11 октября 1830 г. из Болдино).

³ *Шайтанов И.* Географические трудности русской истории (Чаадаев и Пушкин в споре о всемирности) // Вопросы литературы. 1995. № 6. С. 169.

⁴ Словарь языка Пушкина. Т. 3. М., 1959. С. 412–413.

⁵ Петр I искал на Северо-Западе природную, естественную границу для России, Александр I ее нашел, завоевав всю Финляндию.

⁶ Ср. с мнением г-жи Ж. де Сталь: «Следовало ли размещать столицу на северной оконечности империи? Этот великий вопрос до сих пор не разрешен; толковать свершения столь грандиозные под силу лишь столетиям» (*Де Сталь Жермена.* Десять лет в изгнании. М., 2003. С. 213).

⁷ *Ордин К.* Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам. Т. I. СПб., 1889. Эпиграф на титульном листе.

⁸ *Володин Б. Ф.* Санкт-Петербург как Pietari. Финские черты Российской столицы // Труды Международной конференции, состоявшейся 3–5 ноября 1999 г. во Всероссийском музее А. С. Пушкина. СПб., 1999. С. 402.

⁹ *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города. Семиотика города и городской культуры. Петербург // Ученые записки ТГУ. Труды по знаковым системам. XVIII. Тарту, 1984. С. 31.

¹⁰ *Грановская Н. И.* Вместе с Пушкиным от Царского села до Михайловского. СПб., 1999. С. 215.

¹¹ Цит. по: <http://ailant/komi.ru/culture/lit3.html>

¹² Устное сообщение краеведа А. В. Бурлакова.

¹³ *Ульяновский А. И.* Няня Пушкина. М.; Л., 1940. С. 124.

¹⁴ <http://ailant/komi.ru/culture/lit3.html>

¹⁵ *Грановская Н. И.* Вместе с Пушкиным от Царского села до Михайловского. С. 135.

¹⁶ См.: *Ульяновский А. И.* Няня Пушкина. С. 43.

¹⁷ Точка зрения О. И. Коньковой (Музей этнографии и антропологии РАН).

¹⁸ *Ниронен Я.* Финский Петербург. 2003. С. 137.

¹⁹ Вепсы — одна из коренных народностей Северо-Запада. Их предками была народность по имени весь (чудь). По языку они представляют собой прибалтийско-финскую ветвь финно-угорской языковой группы. Они близки карелам, финнам, эстонцам. Сказки вепсов были одним из любимых жанров фольклора, особенно волшебные сказки, которые рассказывали обычно женщины-сказочницы.

²⁰ Вепские народные сказки / Сост. Н. Ф. Онегина и М. И. Зайцева. Петрозаводск, 1996. С. 12.

²¹ *Тихменева Т. С.* Финский альбом. Из русской поэзии начала XIX — начала XX века. Juväskylä, 1998. С. 315.

²² *Казарин В. П., Киселев А. В., Андрейко Е. В.* «Морем отправились мы в Юрзуф...» (Конец одной загадки) // Крымские пенаты. Альманах литературных музеев. № 1. 1994. С. 3—11.

²³ Московский телеграф. 1825. Ч. III. № 12. С. 255—259.

²⁴ Сын отечества. 1825. № 10. С. 151—157.

²⁵ Гр. Пушкин — это граф Владимир Алексеевич Мусин-Пушкин (1792—1854), капитан лейб-гвардии Измайловского полка. В мае 1829 г. Александр Сергеевич и граф Владимир Алексеевич неожиданно встретились в Новочеркасске.

Шернваль — это барон Валлен Эмилий Карлович фон Шернваль (1806—1890), брат А. К. Шернваль, Э. К. Мусиной-Пушкиной и Александрины Шернваль, подпоручик Тифлисского пехотного полка, впоследствии статс-секретарь Великого Княжества Финляндского, тайный советник.

²⁶ Барон Эмиль Шернваль-Валлен с 1837 г. был помощником графа Армфельта, министра, статс-секретаря и его преемником в 1876—1881 гг. У него были три красавицы сестры — Аврора, Эмилия и Александрина, которые вместе с братом принадлежали к высшему обществу и привлекали к себе внимание в Петербурге и Хельсинки не только благодаря тому, что были состоятельными землевладелицами, но и личным качествам. Эмилия Карловна вышла замуж за графа В. А. Мусина-Пушкина, который принадлежал к одному из самых знатных и богатых дворянских родов России.

²⁷ *Klinge M.* Kaukana ja kotona. Helsinki, 1997.

²⁸ Новые материалы к Словарию языка А. С. Пушкина. М., 1982. С. 261.

²⁹ *Nissila V.* Vuoksen paikannimistö. Helsinki, 1939.

³⁰ *Ямпольский М. Б.* К символике водопада. Символ в системе культуры // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам XXI. Тарту, 1987. Вып. 754. С. 37.

³¹ а) Одним из персонажей романа является Е. А. Баратынский, находившийся в то время в ссылке в Финляндии, к которому Пушкин, сам будучи в ссылке в Бессарабии, обращается как к поэту-другу. Финляндия и Бессарабия предстают перед читателем как страны изгнания.

б) Примечателен и тот факт, что в финском городе Виипури (Viipuri), у русской дамы Ольги Купрович, находились страницы рукописи Главы шестой романа, имевшие существенное расхождение с каноническим текстом романа.

К сожалению, составители и переводчики Комментария к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» не распознали в финском названии города Виипури русского названия города — Выборг (*Набоков Владимир*. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 693).